

Между двумя мировыми войнами Мирославово Евангелие оставалось во владении семьи Караджорджевичей, несмотря на решение Министерства образования от 1903 года о сдаче его на хранение в Национальной библиотеке Сербии. Принц Павле Караджорджевич, у которого в то время хранилось Мирославово Евангелие, подарил его в 1935 году своему музею. Таким образом, в бомбардировках 6-го апреля 1941-го года рукопись избежала судьбы сотен средневековых грамот, рукописей и инкунабул, почти 50 тысяч комплектов журналов и газет и около 350 тысяч книг, сожженных в разрушенном до основания здании Национальной библиотеки. Немцы сразу при входе в Белград начали искать Мирославово евангелие и другие ценные реликвии. Но оно еще в 1940 году было передано Национальному банку Сербии на ответственное хранение. В начале войны его перенесли в филиал в Ужице. В страхе перед немцами рукопись была передана настоятелю находящегося вблизи монастыря Рача, который спрятал его в алтаре. Монастырь Рача с 1941 по 1943 годы несколько раз был ограблен и сожжен, но Мирославово Евангелие не было найдено. Опасаясь, что кто-то все-таки украдет Евангелие, настоятель вернул его в Ужице, в филиал Национального банка. Руководитель филиала в 1943 году через оккупированную Сербию тайно перевез его в Белград, где передал в Национальный банк Сербии. Согласно одной истории, Евангелие было помещено в хранилище, которое уже немцы осмотрели и ограбили, а согласно второй, оно было спрятано среди бухгалтерских документов, которые немцам не были интересны.

После освобождения Белграда Мирославово Евангелие было передано Министерству образования. В 1945 году была создана комиссия для определения состояния рукописи, которая передала его на ответственное хранение Художественному музею (сегодня Национальный музей) в Белграде, где оно зарегистрировано под инвентарным номером 1536. Там Мирославово Евангелие было выставлено до 1966 года в витрине, где не было адекватных условий для хранения такой рукописи. В 1966 году его перенесли в фонд Национального музея. Начиная с 1985 года время от времени его выставляют. В 1998 году была сделана консервация кодекса и переплета. Сегодня Мирославово Евангелие хранится в специальной камере в Национальном музее в Белграде.

Жизненный путь этой книги, которая с момента своего создания имела статус реликвии, был необычайно бурным. Расстояние между Биелим Полем, где она создана, до Белграда, где она до сих пор хранится, составляет 332 км. На своем долгом пути (семь с половиной веков) Мирославово Евангелие проехало более 15 тысяч километров. Благодаря этому многовековому путешествию как безмолвный свидетель сербской истории оно избегло судьбы многих других утерянных, украденных и сожженных сербских ценностей.

Литература

1. Мрђеновић, Д., Топаловић, В., Радосављевић, В. Мирослављево јеванђеље. Историјат и коментари. Београд: ЈП Службени лист, 2002.

Д. Жеберан, г. Белград

БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ЯЗЫК В СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Вопрос богослужебного языка — один из ключевых в рассмотрении качества литургической жизни, особенно в средах, где существует языковой барьер между Церковью и её членами. Проблема возникает в тот момент, когда сакральный язык отделяется от стандартного, вследствие чего богослужение становится недостаточно понятным. Эта проблема уходит корнями в древнейшие времена, когда, спустя триста лет после создания старославянской письменности, под влиянием живой речи сербского народа формируется старославянский язык сербского извода. Таковым оставалось положение дел вплоть до XVIII века, когда в сербской коммуникативной среде началось распространение старославянского языка русского извода. С того момента он становится богослужебным языком Сербской Православной Церкви (далее в тексте работы — СПЦ) и остаётся в этой роли до сегодняшнего дня, известный

как церковнославянский, перенявший в определённой степени особенности сербского языка. Вопрос выбора богослужебного языка актуализировался в XIX веке, когда были предложены три возможности: старославянский язык русского извода, сербского извода или народный сербский язык. Очевидно, оба упомянутых извода основываются на одном и том же языке — старославянском. Это можно рассматривать в качестве проявления непрерывности в развитии богослужебного языка в СПЦ. Полемика в СПЦ была наиболее острой в конце XIX и в начале XX вв. Разрабатывался вопрос о возвращении старославянского языка сербского извода в богослужение, а затем обсуждалась возможность использования сербского языка наряду со старославянским языком сербского извода и церковнославянским языком.

В течение 60-х и 70-х годов прошлого века принято решение Святого Архиерейского Синода СПЦ о допустимости введения стандартного варианта сербского языка в богослужение. В XVIII-XIX вв. использование церковнославянского языка свелось исключительно к литургическому употреблению, а обстоятельства, сложившиеся в XIX-XX вв., привели к более или менее активному вытеснению его даже из богослужебной сферы.

Культурная функция церковнославянского языка в сербской среде была существенно важной в средневековье. Он являлся активным орудием православной Церкви и культуры того времени — это свидетельствует о том, что язык не был мёртвым, хоть и не использовался носителями в качестве родного. Церковнославянский язык, выполняя функцию выражения идентичности, определяет нас как славян православного вероисповедания, в то время как сербский язык идентифицирует нас как сербов. Сербский язык также может быть средством идентификации для сербов других вероисповеданий и атеистов, а церковнославянский — только для верующих, т. е. членов Церкви.

Вопрос понимания верующими богослужебного языка исключительно важен, так как вся полемика о языке основывается на данной проблеме. Получается, что речь идёт о проблеме миссионерского характера. Это подчёркивали сторонники введения сербского языка в богослужение.

Среди способов преодоления проблемы непонимания богослужебных текстов можно назвать следующие: воцерковление, то есть работа по литургическому и богословскому образованию верующих; пояснение текстов богослужения в проповедях, а также издание специальных публикаций с переводом на сербский язык. Кстати говоря, некоторые сторонники церковнославянского языка считают, что языковой барьер в богослужениях можно преодолеть, работая над активизацией церковной жизни верующих. С другой стороны, введение более понятного богослужебного языка не решит проблему полностью, поскольку многие выражения так и останутся непонятными для широких кругов. Такой позиции придерживался Петар Джорджич: «Для богослужебного языка всегда приходится формулировать выражения, смысл которых будет ясен только теологам» [Бајић 2007: 111]. Схожий взгляд и у Н. В. Покровского: «Для совершенно ясного понимания богослужения необходимо общее и богословское образование, обширная начитанность, постоянное обращение с песенным материалом и проникновение в его дух и характер» [Бајић 2007: 112]. Итак, по их мнению, богослужение на современном языке остается практически столь же непонятным, как на языке церковнославянском.

В рамках поиска решения проблемы непонимания богослужебных текстов обсуждается также вопрос создания параллельных текстов на сербском и церковнославянском языках. Эту идею в переходном периоде в СПЦ предложил Чониц [См.:1: 112]. Тем не менее, звучали и противоположные мнения: утверждалось, что верующие должны пользоваться книгами с параллельными текстами только дома, до богослужения. Осуществлять полный перевод также не рекомендуется. В начале XX века в СПЦ появляется перевод Божественной литургии святителя Иоанна Златоуста, в предисловии к нему переводчик — ныне причисленный к лику святых преподобный Иустин Попович — пишет, что этот перевод предназначен «христоробивым душам на дом». Даже и перед самым решением о введении сербского стандартного языка Святого Архиерейского Синода в некоторые части богослужения предлагается пользоваться переводом как вспомогательным, справочным текстом, а не как санкционированным литургическим текстом.

С эстетической точки зрения (древность, красота, таинственность звучания) чаще всего приводились аргументы о преимуществе церковнославянского языка по сравнению с языком современным. Поэтому здесь можно говорить о языковом дуализме, уходящем корнями в древнейшие времена, когда был актуален вопрос о выборе между двумя азбуками, т. е. кириллицей и глаголицей. По прошествии веков он приобрёл несколько иную форму, и теперь речь идёт о расхождении функций двух языков: сербский в качестве мирского, а церковнославянский в качестве богослужебного. На этот аргумент ссылались Д. Костич, Е. Олбина, а также протоиерей М. Андрович, отметивший важность древнего происхождения этого языка: «Церковнославянский язык лучше выражает красоту и мистичность

наших богослужений», «соответствует набожности нашего православного народа» [1: 115]. В пользу этого идёт благозвучность и мелодичность языка. Неоднократно подчёркивалось, что человеку нужно «отдохнуть» от повседневной жизни и что он не требует абсолютного понимания. Поэтому, возможно, стоит размышлять о воздействии богослужения не на разум человека, а на его сердце. Этому мнению придерживаются даже сторонники использования сербского языка в качестве богослужебного, что подтверждают данные, полученные нами в результате опроса. Выдающийся русский славист Н. И. Толстой также приводил аргументы в пользу употребления церковнославянского языка.

С другой стороны, многие участники данного спора отдают предпочтение содержанию, а не форме: для них эстетическое начало не так существенно. Пастырские интересы основываются на важности понимания богослужебного языка, поэтому они отмечают преимущество именно сербского языка. Они считают, что слависты могут рассматривать эстетическую сторону языка только в рамках филологических наук. Никто не оспаривает разнообразие вкуса между этими двумя языками и что красоту духовной жизни ощущают и те, кто владеют сербским языком. Также высказывались мнения о том, что проповеди должны читаться только на сербском языке. Это, с одной стороны, несомненно правильно, поскольку они оставляют глубокое впечатление на человека, но, с другой стороны, не нужно проповедовать на церковнославянском языке, так, как он является только богослужебным языком. Зоран Ранкович подчёркивает, что этот вопрос был актуальным в эпоху Кирилла и Мефодия [5: 263]. Поэтому, как нам представляется, язык проповеди и язык богослужения — это понятия, которые необходимо рассматривать отдельно. Есть и третья сторона спора: некоторые авторы считают, что проблема понимания богослужебного языка не настолько выражена или даже не является проблемой. Не отрицая, что проблема церковного языка существует и требует серьёзного и всестороннего соборного обсуждения, мы тем не менее склонны думать, что «неясность» церковнославянского языка объясняется не столько свойствами его самого, сколько неподготовленностью людей, давно лишённых возможности серьёзно и глубоко относиться к богослужению.

Ксения Кончаревич пишет: «В СПЦ масштабность проблемы непонимания отчасти уменьшилась на основании того факта, что для современного носителя сербского языка в тексте Литургии Св. Иоанна Златоуста есть всего шестьдесят незнакомых слов» [4: 62]. Вот ещё одно мнение, поддерживающее идею преимущества церковнославянского языка: «Сегодня богослужение непонятно только тому, кто не ознакомлен с основами православного учения. Непонятность — это второстепенная вещь» [1: 123]. Архимандрит Софроний Сахаров по схожему вопросу, возникавшему в рамках Русской Православной Церкви, полагал, что славяне промыслительно одарены благословенным языком, служившим веками для богослужения, Священного Писания и молитвы и никогда не низшим житейским нуждам. Нет вовсе нужды заменять его языком повседневности, что неизбежно снизит духовный уровень и тем причинит неисчислимый ущерб.

Один из важнейших вопросов — проблема перевода богослужебных текстов. Аргументы по этому поводу стали более выраженными во втором периоде полемики, когда появляются молитвословы на сербском языке наряду с церковнославянским, а всё это приводит к издательству тех же самых молитвословов только на сербском языке. Но это оказалось трудной задачей, как и сам перевод священных текстов, поэтому надо было собрать особую комиссию, в которую бы вошли лучшие специалисты в области филологии. Любопытно, что одна цитата из Нового завета соотносится с проблематикой споров о переводе. Это слова апостола Павла из послания к Коринфянам: «И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гусли? И если труба будет издавать неопределённый звук, кто станет готовиться к сражению? Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер» (1. Кор. 14, 7-9). В противовес этому можно привести другой фрагмент из новозаветных текстов, который можно расценивать как аргумент в пользу церковнославянского языка: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мат. 7,13-14).

Стоит также обратить внимание на позиции, связанные с проблемой религиозного просвещения. Возможность религиозного просвещения в рамках богослужений на церковнославянском языке во многом отрицается. По мнению священномученика Александра Хотовицкого, непонятный богослужебный язык представляет собой барьер, из-за которого практически невозможно донести до сознания паствы те возвышенные истины, которыми «проглядывают» песнопения. С другой стороны, святитель Тихон, патриарх Московский и всея Руси, будучи сторонником церковнославянского языка, считал, что именно этот язык поучителен по своему содержанию. О влиянии языка на оживление религиозной жизни говорится с более негативной точки зрения. Аргументация невозможности выражения богослужебного

содержания в целом основывается на констатации недостаточности терминологического потенциала сербского языка в богослужении. Мнения автора несомненно различаются. Сторонники данной позиции утверждают, что многие славянские буквы имеют особое значение и их нельзя заменять современной графикой, поскольку это приведёт к искажению догматических истин. Преимущество отдаётся церковнославянскому языку по причине того, что в нём отражается структура греческого языка.

Среди немиссионерских аргументов стоит отметить позиции, связанные с национально-культурным интересом, славянским интересом, а также позиции, подчёркивающие важность богослужебного языка в жизни Церкви. Их в основном защищают сторонники церковнославянского языка. На основании исследования Ружицы Баич, проведённого в 2007 году, мы приходим к выводу о том, что «категорический отказ от традиционного богослужебного языка нанёс бы значительный ущерб сербской культуре и привёл бы к сужению национальной и церковной идентичности сербов». Именно так формулирует данную идею Ксения Кончаревич [1: 174]. Епископ Будимский Даниил Крстич советует знакомиться с церковнославянским языком с целью высказывания почтения. Эта позиция близка к той, которая связана со славянской идеей: введение сербского языка даже не обсуждается — настаивается на использовании старославянского языка сербского извода. Наряду с духовно-культурной ролью церковнославянского языка, Балашов упоминает и его политическое значение. Первый, кто высказал, что таким образом Церковь станет более мироуправной, был Д. С. Лихачёв. В одной российской статье ставится вопрос о том, можно ли считать исповедание православной веры достаточным консолидирующим фактором для православных славян. В СПЦ важность языка для жизни Церкви подчёркивают прежде всего сторонники современного языка в богослужении. Некоторые современные теологи утверждают, что Церковь проповедует не столько своим голосом, сколько своим существованием.

Согласно цитате [Мат. 7, 13-14] возникает вопрос, насколько Церковь должна снисходить к недостаточно воцерковлённым людям, и, с другой стороны, какие усилия должны предприниматься, чтобы народ постепенно возвышался до святого существа Церкви.

Литература

1. Бајић Р. Богослужбени језик у Српској Православној Цркви: прошлост, савремено стање, перспективе. Београд, 2007.
2. Бајић Р., Кончаревич К. Рецепција црквенословенског језика у српској говорној средини и социокултурној средини: савремено стање и импликације за језичку политику Цркве // Црквене студије, Ниш, 2005, 2, с. 363-376.
3. Ђорђевић П. Карактеристика савременог изговора нашег црквеног језика. // Богословље, Београд, 1931, VI/3, с. 236-245.
4. Кончаревич К. О богослужбеном језику Српске Цркве у прошлости и данас. // Научни састанак слависта у Вукове дане, МЦС, Београд, 1996 25/2, с. 57-66.
5. Ранковић З. Словесна служба Свете Браће Тирила и Методија. // Богословље, Београд 2013, 2, с. 256-268.

Г. Наумович, г. Белград

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Для того чтобы сформировать положительную мотивацию у иностранных студентов в изучении русского языка и добиться наиболее оптимального уровня усвоения учебного материала, преподавателю следует включать в процесс обучения новые приемы и методы образования, обращаться к новым техническим средствам обучения.

Учебники и учебные пособия по русскому языку не могут являться для обучающихся единственными источниками языковой подготовки, поскольку не гарантируют в полном объеме владение живой